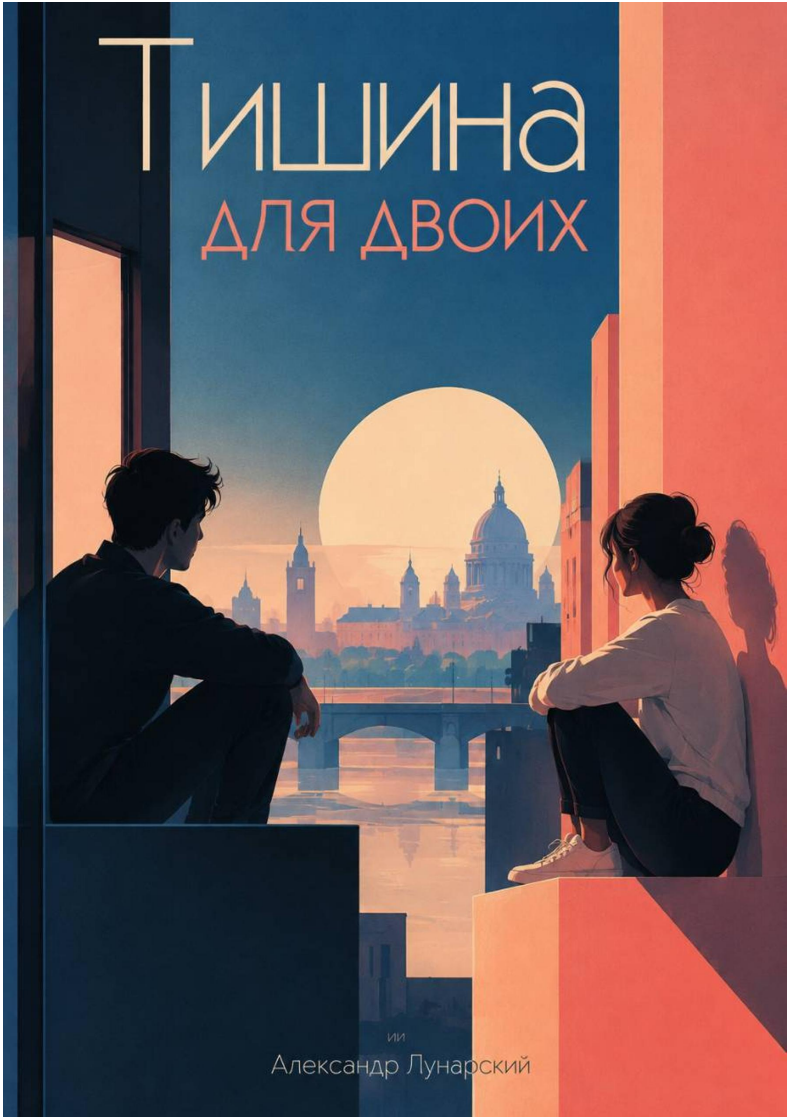
Тишина для двоих

Александр Лунарский

Александр Лунарский
Тишина для двоих

https://litres.ru/74678023
SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, когда мир внезапно замолкает — и привычные слова больше не помогают?

Лада просыпается в городе без звуков. На пустом вокзале она встречает незнакомца. Они не знают, что случилось и куда идти. Есть бумага, карта на обороте чека и тишина, в которой легко принять догадку за правду. Чтобы двигаться дальше, им придётся уточнять, а не угадывать, обозначать границы и признавать, чего нельзя обещать. И решить: можно ли остаться рядом, не зная, чем всё закончится.

«Тишина для двоих» — камерный роман о близости, внимании и смелости не иметь готовых ответов. Для тех, кто устал разгадывать чужие мысли, боится трудных разговоров или хочет лучше слышать себя. Эта история напоминает: иногда первый шаг — не найти объяснение, а честно признать, что происходит внутри, и позволить другому быть рядом без немедленных обещаний.

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

Содержание

Утро без звука 5
Встреча на пустом вокзале 15
Два имени на бумаге 26
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Александр Лунарский
Тишина для двоих

Тишина для двоих
Александр Лунарский

Утро без звука

Лада проснулась от холодного прямоугольника телефона под ладонью. Он мелко дрожал на тумбочке, и эта вибрация передавалась дереву, потом — ее пальцам. Она не сразу открыла глаза. Под щекой теплела смятая наволочка, во рту пересохло, ноги зацепились за край одеяла.

Телефон дрогнул снова.

Лада нащупала его и посмотрела на экран. 7:12. Будильник был включен. На дисплее светилась перечеркнутая нота, хотя она точно помнила, что ставила обычный сигнал. Она нажала на экран, остановила будильник и подняла телефон к уху.

Пусто.

Не шорох, не слабый звон из соседнего номера, не привычное гудение труб. Только прохладный корпус у щеки и собственный пульс, который она чувствовала где-то под челюстью, но не слышала.

Лада села. В гостиничном номере ничего не изменилось: бежевые стены, темная полоска ковра, кресло у окна, пиджак на спинке. На подоконнике стояла пластиковая бутылка воды. За стеклом серело утро незнакомого города, куда она приехала накануне вечером и успела увидеть только освещенную вывеску отеля «Север» да мокрые от дождя тротуары.

Она провела ладонями по лицу. Коснулась ушей, будто могла нащупать в них причину. Никакой заложенности, никакой боли. Просто мир не отвечал.

— Алло, — сказала она.

Или произнесла. Губы разомкнулись, язык коснулся нёба, горло напряглось. Лада не почувствовала даже легкого движения воздуха у лица. В комнате ничего не дрогнуло.

Она повторила громче, следя за собственным ртом в темном экране телефона:

— Алло.

Слово осталось только движением.

Первой мыслью было: надо проверить, не оглохла ли она. Второй — что это невозможно. Третьей — что сейчас она запишет голосовое сообщение кому-нибудь из знакомых, и тот ответит, что с ней все в порядке, просто телефон барахлит.

Лада давно привыкла говорить, пока думала. В дороге она записывала голосовые заметки: список дел, случайную мысль, фразу из книги, которую боялась забыть. Иногда отправляла подруге сообщение из трех минут вместо двух предложений. В тишине ей казалось, что она теряет время, поэтому она заполняла ее словами, даже когда рядом никого не было.

Она открыла диктофон.

На экране появилась красная точка. Цифры пошли вперед. Лада поставила телефон на тумбочку и произнесла:

— Проверка. Меня зовут Лада. Я в гостинице. Я ничего

не слышу.

Она смотрела, как меняются цифры. Затем остановила запись, подключила наушники и нажала воспроизведение.

В наушниках было так же пусто.

Она вынула один наушник, вставила другой, добавила громкость до предела. На экране запись открывалась и закрывалась, значок воспроизведения двигался, но не приносил с собой ничего. Лада сняла оба наушника и приложила телефон к уху. Безрезультатно.

Она не закричала. Мысль о крике пришла, но остановилась у губ: какое усилие имеет смысл, если даже собственный голос не возвращается к тебе?

Лада спустила ноги на пол. Ковер оказался мягким и чуть влажным от ночного воздуха. Она прошла в ванную, нажала на кран. Вода потекла тонкой струей. Она видела, как та дробится о белую раковину, как на металле возникают капли. Подставила руки. Холод коснулся кожи.

Она закрыла кран. Открыла снова. Поменяла напор. Наклонилась к сливу, потом приложила пальцы к трубе под раковиной, проверяя, не дрожит ли она. Вода двигалась, но не звучала.

В зеркале ее лицо выглядело слишком спокойным. Волосы примялись с одной стороны, под глазами темнели следы короткой ночи. Лада подняла брови своему отражению.

— Отлично, — проговорила она. — Очень хорошо.

На этот раз она рассердилась. Не потому, что слова про-

пали, а потому, что никто не откликнулся. Она привыкла хотя бы к слабому ответу: эху в ванной, шуму воды, собственному дыханию. Даже раздражение обычно встречало сопротивление. Здесь ее жесты и слова проваливались в гладкую поверхность, как камешки в снег.

Она оделась, не включая верхний свет. Телефон показывал сеть, подключение к гостиничному вайфаю и полный заряд. Лада открыла сообщения. Подруга Мира написала ночью: «Доехала? Как гостиница?» Лада набрала: «Кажется, город сломался». Удалила. Напечатала: «Я не слышу никаких звуков». Перечитала. Добавила: «Ты меня слышишь?» И отправила.

Две галочки появились почти сразу. Ответа не было.

Лада позвонила Мире. Экран показал соединение. Она ждала, прижимая телефон к уху. Ни гудков, ни голоса. Через несколько секунд вызов завершился. Она набрала снова, но остановилась, не дожидаясь ответа, и открыла видеосвязь. Изображение подруги не появилось. Плохая сеть, решила Лада, хотя значок показывал обратное.

Она включила новости. На экране ведущая двигала губами перед картой погоды. Бегущая строка сообщала о пробках, ясном небе после дождя и плановых работах на одной из улиц. Ни слова о том, что города лишились звука.

Лада подошла к окну и отодвинула штору.

Улица выглядела обыкновенно. Автобус замедлил ход у остановки, его двери раздвинулись. Женщина в светлом

пальто шагнула на тротуар и поправила сумку. Двое мужчин шли рядом, один показывал что-то на телефоне. Ветер шевелил кроны молодых деревьев. На крыше напротив голубь расправил крылья.

Ни один из этих движений не сопровождался звуком.

Лада коснулась лбом стекла. Оно было холодным. Внизу мужчина поднял голову к окнам гостиницы, будто заметил, что за ним наблюдают. Потом отвернулся и что-то сказал водителю автобуса. Его рот открылся, подбородок напрягся, рука резко указала на дверь. Водитель посмотрел на него и кивнул. Никто не закричал. Может быть, никто не пытался.

У входа в гостиницу собрались трое постояльцев. Один держал телефон у уха и беспомощно поворачивал его то экраном, то задней камерой к лицу. Женщина у стеклянных дверей прикладывала ладонь к уху. Пожилой мужчина смотрел вверх, на этажи, и указывал кому-то внутрь. Люди не бегали, не размахивали руками. Они проверяли окна и телефоны, как проверяют карманы после неожиданной остановки лифта.

Лада долго стояла, наблюдая. Ничего не рушилось. Небо не темнело. Автобусы продолжали ехать, двери магазинов открывались, кто-то переходил улицу на зеленый свет. Мир не выглядел испуганным. Он просто двигался без сопровождения.

В этом было что-то хуже паники: отсутствие подсказок. Без звука она не могла понять, что чувствуют другие. Удив-

лены ли? Испуганы? Раздражены? Она видела чужие лица, но не могла подобрать к ним привычные объяснения.

Лада вернулась к диктофону. Еще одна запись, теперь ближе к телефону. Она произнесла свое имя, затем нарочно громко хлопнула ладонями. Вибрация в пальцах отозвалась коротким ударом. На экране шли цифры. Она прослушала запись — ничего. Проверила динамик, перезапустила телефон. Ничего не изменилось.

Обычные действия цеплялись друг за друга, как бусины на нитке: проверить настройки, позвонить, написать, включить новости. Лада выполняла их быстро, почти не думая. Пока список не закончился, не нужно было останавливаться. Пока она что-то проверяла, не приходилось признавать, что именно произошло с ней.

Эта догадка раздражала сильнее тишины.

Она представила, как объяснила бы происходящее Мире, если бы та ответила. «Странная штука». «Наверное, массовый сбой». «Мне надо найти администратора». Слова выстраивались заранее, готовые смягчить любой факт. Лада умела превращать тревогу в рассказ, прежде чем успевала ее почувствовать. В рассказе уже имелась завязка, причина и запасная версия. В рассказе она оставалась человеком, который знает, что делать.

А сейчас ей хотелось не версии. Ей хотелось услышать хотя бы собственное дыхание, но вместо него она видела, как поднимается грудь.

Лада открыла блокнот, который всегда носила в сумке. На первых страницах теснились списки: купить, отправить, не забыть, позвонить. Между ними — стрелки, восклицательные знаки, несколько фраз, которые она собиралась использовать в работе. Почерк торопился впереди мысли. Если что-то звучало слишком просто, она обычно исправляла, добавляла уточнение или меняла слово на более точное.

Она взяла ручку.

Сначала написала: «Проверить, действительно ли исчезли звуки». Посмотрела на строчку. Зачеркнула.

Ниже вывела: «Возможен сбой связи». Тоже зачеркнула.

Она собиралась написать «Мне страшно», но ручка задержалась над бумагой. Страх казался чересчур большим словом. Он требовал объяснения, требовал следующих слов. Лада уже чувствовала, как внутри поднимается привычное желание уточнить: страшно из-за чего, насколько, что с этим делать.

Она закрыла блокнот. Открыла снова. На чистой странице оставила одну строку:

«Я здесь. Я не знаю, что делать».

Лада поставила точку и не стала добавлять ни пояснения, ни плана. Впервые за утро она не попыталась сделать свое состояние понятнее, чем оно было.

Слова выглядели простыми. Почти недостаточными. Но бумага приняла их без возражений. Лада провела пальцем по чернильной линии. Чернила уже высохли.

Внизу, у стойки регистрации, она показала администратору экран телефона и указала на уши. Молодая женщина за стойкой поняла не сразу. Лада повторила жест, покачала головой, постучала пальцем по телефону. Администратор открыла рот, произнесла несколько слов, потом замолчала. Ее взгляд изменился. Она достала из-под стойки небольшой блокнот и написала: «У нас тоже ничего не слышно».

Лада прочитала фразу дважды.

— Когда началось? — спросила она, не ожидая ответа.

Администратор подняла плечи. Перевернула страницу и написала: «Утром. Не знаем».

Рядом пожилой постоялец держал перед собой включенный телевизор на стойке. На экране шел новостной канал. Мужчина смотрел то на экран, то на администраторшу. Молодая женщина указала на вывеску гостиницы, затем на телефон. Она тоже искала причину где-то снаружи, в проводах, настройках, сообщениях.

Лада поблагодарила ее кивком и вышла на улицу.

Воздух был влажным и прохладным. Она вдохнула глубже, надеясь услышать хотя бы что-нибудь внутри себя, но вдох остался просто расширением грудной клетки. Никакого шороха одежды, никакого движения воздуха у ноздрей. Только холод на коже и запах мокрого камня.

У входа женщина в светлом пальто держала телефон перед лицом и снимала улицу. На экране шевелились люди, автобусы, ветки. Женщина заметила Ладу и на мгновение опу-

стила телефон, словно хотела спросить, знает ли та что-нибудь. Ее губы сложились в короткий вопрос.

Лада развела руками.

Женщина кивнула. Не испуганно и не ободряюще, а просто признавая: у нее тоже нет ответа.

Этот маленький жест вдруг оказался убедительнее любых слов. Лада почувствовала, как ослабли плечи. Не исчезло беспокойство, не появилось решение. Просто стало ясно, что она не обязана немедленно выдумать объяснение за всех.

Она достала блокнот и посмотрела на карту города, напечатанную на внутренней обложке. От гостиницы до вокзала было меньше двух километров. Вчера, когда она приехала, вокзал остался где-то за окном такси: широкое здание с часами и длинным козырьком, под которым люди с чемоданами спешили в разные стороны.

Вокзал казался единственным местом, где можно было получить хоть какую-то информацию. Там были табло, расписания, сотрудники, люди из других районов и городов. Там, возможно, кто-нибудь уже понял, что случилось. А если не понял, хотя бы можно будет сверить часы и спросить дорогу на бумаге.

Лада убрала телефон в карман и проверила, на месте ли ключ от номера. Потом застегнула куртку. Она могла остаться в гостинице и продолжать проверять связь. Могла еще раз записать голос, еще раз прослушать пустоту, еще раз обновить новости. Все эти действия обещали ответ, но каждый

раз приводили ее к тому же неподвижному экрану.

Она открыла блокнот на записанной странице. «Я здесь. Я не знаю, что делать».

Теперь эта фраза была не только признанием. Она стала точкой, от которой можно было оттолкнуться. Не ответом, не обещанием справиться, а простым указанием места: вот я, вот эта улица, вот дорога вперед.

Лада посмотрела на женщину у входа, затем на указатель с направлением к центру. Указатель показывал налево.

Она пошла к вокзалу.

Город продолжал двигаться вокруг нее без единого звука. Люди оглядывались на окна, проверяли телефоны, показывали друг другу экраны. Автобус скользнул за перекресток. В витрине пекарни пекарь вынес поднос и поставил его на стойку. Лада замечала все больше: трещину на плитке, пар на стекле, каплю воды на рукаве. Тишина не сделала улицу пустой. Она лишь убрала привычный фон, и предметы проступили отчетливее.

Через два перекрестка впереди показались часы вокзала. Лада не знала, что найдет там, и не пыталась угадать. Она только ускорила шаг.

Встреча на пустом вокзале

Стеклянные двери вокзала разошлись перед Ладой, и она шагнула внутрь.

Здесь тишина была другой. На улице она оставалась открытой, рассеянной между домами и перекрёстками. Вокзальная тишина словно заперлась под высоким потолком: в ней виднелись ряды пустых скамеек, закрытые окошки касс, автоматы с напитками, застывшие у стены, и круглые часы, чьи стрелки продолжали двигаться с деловым безразличием.

Пахло мокрой одеждой, пылью и кофе, который слишком долго простоял на нагревательной плите. Лада прошла мимо касс. За стеклом никого не было. На табло светились строки с городами и временем отправления, но графа статуса оставалась пустой. Ни «посадка», ни «задержан», ни «отменён». Просто названия, цифры и платформы.

Лада подняла глаза на часы. Потом снова на табло.

Она пришла за объяснением, а вокзал предлагал ей расписание без пояснений. Это было похоже на ответ человека, который старательно произносит много слов, чтобы не сказать главного.

У табло стоял мужчина. На вид немного старше Лады, в тёмной куртке с влажными плечами. Он держал в одной руке помятый лист, в другой — ручку. На листе были нарисованы стрелки, квадраты и несколько кружков. Мужчина сверял

его с табло, делал пометки, снова поднимал взгляд.

Он выглядел не растерянным, а уставшим от необходимости разбираться. Как человек, который уже составил план и не собирался отдавать его на волю обстоятельств.

Лада остановилась рядом, оставив между ними свободное место.

— Простите, вы знаете, поезда ходят? — произнесла она.

Собственный голос она не услышала. Мужчина посмотрел на её губы, потом на табло. Лада указала на строки и раскрыла ладони. Вопрос казался простым. В ответ мужчина поднял руку ладонью к ней.

Подождите.

Или не подходите.

Или я занят.

Лада заметила, что уже успела выбрать самое неприятное толкование. Она чуть отступила, но мужчина тем временем взглянул на её руку, лежавшую почти над его листом, и быстро прижал бумагу к груди.

На листе, среди стрелок, она успела заметить слово «автовокзал».

Лада нахмурилась. Мужчина тоже. Он что-то сказал, коротко и резко, судя по движению губ. Потом взял ручку и написал на свободном краю расписания:

«Не трогайте».

Щёки у Лады вспыхнули.

Она не трогала. Она только хотела увидеть, что он отме-

чает. Впрочем, её палец действительно завис над бумагой, и мужчина вполне мог решить, что она собирается забрать лист. Но это объяснение пришло позже. В первую секунду на него не нашлось места. Там помещалось только обиженное: я попросила помощи, а меня отчитали.

— Я не собиралась, — сказала Лада, хотя её слова остались беззвучным движением губ.

Мужчина сложил лист пополам и отвёл взгляд.

Лада почувствовала, как в ней привычно поднимается желание всё объяснить. Она уже приготовила целую версию: что не понимает, что случилось, что пришла с улицы, что ищет хоть какую-нибудь информацию и не собирается мешать. Вся длинная речь уместилась бы в её лице и движении рук, если бы руки двигались достаточно быстро.

Она показала на табло, потом на часы, потом на себя, потом снова на табло. Мужчина смотрел, не перебивая. Но его неподвижность Лада прочитала как отказ.

Он подхватил свой лист и шагнул в сторону платформенного коридора.

Лада не стала его останавливать. Она прошла к информационному окну, постучала по стеклу, хотя не могла слышать стука, и заглянула внутрь. Пусто. На стойке лежала стопка рекламных буклетов. Один угол верхнего листа загнулся от сквозняка и медленно расправился.

Она посмотрела на часы. Минутная стрелка продвинулась. На табло ничего не изменилось.

За спиной мужчина уже остановился у указателя на платформы. Он снова достал свой план и развернул его. На этот раз не прижимал к себе, только придерживал ладонью.

Лада вспомнила сложенную бумагу в кармане пальто. На ней было написано: «Я здесь. Я не знаю, что делать». Она достала записку и посмотрела на собственные слова. Они по-прежнему оставались честными. Но честность не гарантировала, что её поймут, если она будет прятать её за целой вереницей жестов.

Лада нашла в кармане ручку. На обратной стороне старого билета написала: «Поезда идут?»

Она подошла к мужчине, но остановилась на расстоянии вытянутой руки. Не протягивала лист ему в ладонь, просто подняла его так, чтобы он мог прочитать.

Мужчина посмотрел на вопрос. Потом на табло. Потом написал под ним:

«Не знаю».

Лада перечитала ответ.

В нём не было ни раздражения, ни притворной уверенности. Только три слова, короткие и неприятно полезные. Она почувствовала, как плечи понемногу опускаются. Оказывается, ей не обязательно было получить объяснение. Пока хватало правды.

Мужчина указал ручкой на расписание в своих руках и написал:

«Проверяю платформы. Потом автовокзал».

Он добавил на полях стрелку, ведущую от вокзала к маленькому квадрату на карте. Рядом стояли две буквы: «АВ». Его план был не загадкой и не приглашением идти за ним. Это был просто его план, начерченный теми средствами, которые у него имелись.

Лада написала:

«Вы ищете, как уехать?»

«Да. Домой».

Он сложил лист, но теперь оставил его видимым.

Лада могла спросить, где его дом, почему он оказался здесь, давно ли он пытается уехать. Вопросы теснились один за другим. Она заметила их почти одновременно с тем, как почувствовала желание задать все сразу, чтобы немедленно заполнить неопределённость подробностями.

Она написала только:

«Я ищу, что случилось».

Мужчина посмотрел на неё. Затем написал:

«Понятно».

В его взгляде было не согласие, а признание предела: он понял саму фразу, но не мог предложить ей продолжение. Лада неожиданно оценила это больше, чем оценила бы бодрое «всё будет хорошо».

Он протянул ей чистую часть своего листа. Не весь лист, а только свободное место внизу. Лада положила рядом свой билет. Теперь между ними лежали два обрывка бумаги, а над ними — две ручки. На пустой скамье возле табло они могли

бы выглядеть как люди, пришедшие на деловую встречу и забывшие, кто назначил встречу.

Мужчина написал:

«Что проверяем сначала?»

Лада подумала и ответила:

«Табло. Потом платформы».

Он кивнул. Она успела заметить, что кивок он сделал не для того, чтобы подбодрить её. Скорее, чтобы подтвердить порядок действий.

Они встали под табло. Мужчина вынул из кармана телефон и сфотографировал расписание. Лада посмотрела на время отправления ближайшего поезда, затем на цифровые часы. По расписанию поезд уже должен был быть на платформе. Но на табло не было ни отметки об отправлении, ни задержки.

Она показала мужчине на время, потом на часы.

Он достал из блокнота маленькую записную книжку и написал: «Подождём две минуты». Рядом нарисовал стрелку от минутной отметки на циферблате к той, где она должна оказаться через два оборота.

Лада хотела спросить, зачем ждать, если никто не знает, движутся ли поезда. Но прикусила язык, хотя в тишине это не имело значения. Точнее, не стала торопить вопрос. Они могли проверить то, что было под рукой.

Через две минуты стрелка часов действительно сдвинулась. На табло не изменилось ничего.

Мужчина записал время. Лада указала на строку с поездом, который должен был отправиться раньше. Он открыл карту и показал на платформенный коридор.

По дороге туда они остановились у закрытой кассы. За стеклом лежала открытая книга, рядом стояла кружка с подсохшим коричневым следом на стенке. Никто не пришёл. Турникеты на входе не мигали и не двигались. Один был отодвинут в сторону, другой оставался закрытым. За стеклянными дверями виднелась платформа.

Лада первой взялась за ручку. Дверь поддалась.

На платформе было пусто. Рельсы блестели после дождя. Вдалеке стоял красный сигнал, а над ним — небо, низкое и серое. Никакого движения, никакого знака, который позволил бы понять, что здесь происходит. Лада смотрела на пути и ощущала, как ум подсовывает ей версии: электричество отключилось, движение остановили, все уехали, ничего не работает.

Она поймала себя на том, что каждую версию тут же принимает за факт. Знание, которого не хватало, она заменяла предположением, а потом начинала сердиться на людей за то, что они не подтверждают именно его.

Мужчина стоял рядом, не заслоняя обзор. Он показал на дальнюю часть платформы, где находилась лестница к другому выходу. Лада кивнула. Они прошли туда, проверили дверь и вернулись в главный зал. Вторая дверь оказалась закрыта, первая вела к боковой улице.

Мужчина разложил карту на ближайшей скамье. Теперь Лада смотрела на неё вместе с ним, не наклоняясь через его плечо. На карте он отметил вокзал, автовокзал и дорогу, уходившую на восток.

«Если автобусы не идут, попробую пешком до трассы», — написал он.

Лада взглянула на линию, которую он провёл через город. План был упрямый и не слишком удобный. Но в нём были проверяемые шаги: дойти до автовокзала, посмотреть расписание, потом решить. Мужчина не знал, что происходит. Он не притворялся, что знает. Он просто продолжал действовать.

— Я бы раньше решила, что вы не хотите со мной разговаривать, — сказала Лада. Она тут же поняла, что произнесла это вслух, и поспешно добавила на бумаге: «Когда вы подняли руку».

Мужчина посмотрел на записку, затем на собственную ладонь. Он поморщился — не раздражённо, скорее смущённо. На листе появилось:

«Я хотел, чтобы вы подождали. Думал, вы заберёте мой план».

Лада приподняла брови. Он прочитал её выражение и написал:

«Неловко получилось».

Она улыбнулась. Улыбка вышла короткой, не примирительной, а просто человеческой. Мужчина тоже улыбнулся

краешком губ.

Лада написала:

«Я решила, что вы меня прогоняете».

«Я не знал, что вам нужно».

Его фраза была такой простой, что Ладе стало немного стыдно. Она ведь тоже не знала, что нужно ему. Она видела помятый лист и ручку и решила, что перед ней человек, способный объяснить табло. Увидела поднятую ладонь и решила, что он не хочет иметь с ней дела. Две поспешные догадки успели превратиться в маленькую ссору, хотя ни один из них не произнёс ни слова, которое мог бы услышать другой.

Лада взяла ручку и написала на своём билете:

«Если не понял — спроси. Не угадывай».

Мужчина прочитал. Потом перечеркнул черту между двумя фразами и аккуратно переписал их на свободное место своего листа. Он добавил рядом два маленьких квадрата.

«Согласны?» — спросил он, указав на первый.

Лада поставила галочку в квадрате. Мужчина поставил галочку во втором.

Это не означало, что они теперь доверяли друг другу. Лада не знала его фамилии и не знала, почему он так настойчиво собирался домой. Он не знал, что привело её на вокзал. Но между ними появилось правило, которое было легче выполнить, чем угадать чужой замысел.

Они направились к выходу на боковую улицу. У дверей Лада заметила на карте ещё один маршрут, нанесённый тон-

кой линией к автовокзалу. Мужчина указал на него и поднял ладонь, но теперь сначала написал:

«Я всё равно туда иду. Хотите пройти вместе?»

Лада прочитала, затем посмотрела на него. Вопрос не требовал немедленного доверия и не обещал, что дорога будет безопасной или что на автовокзале окажется ответ. Он просто предлагал ближайший участок пути.

Она могла спросить, почему он зовёт её, если сам едва знает, куда идти. Могла потребовать объяснений о его плане, проверить, не скрывает ли он что-нибудь, выяснить, что он будет делать, если автобусов тоже нет. Вместо этого Лада написала:

«Да. До автовокзала. Потом решим».

Мужчина кивнул. Он не стал подхватывать её сумку, указывать, куда поставить ногу, или брать на себя ответственность за её дальнейшие решения. Он просто убрал карту, оставив незаполненную сторону листа снаружи.

Лада поняла, что именно это ей и подходило. Помощь не обязана была становиться обещанием спасения. Иногда достаточно, чтобы другой человек шёл рядом и не требовал от тебя немедленно объяснить, кем ты станешь к концу дороги.

В тамбуре мужчина остановился, достал ручку и написал на верхнем краю листа: «Илья». Потом протянул ручку Ладе.

Она написала рядом: «Лада».

Два имени стояли на одной бумаге, разделённые всего несколькими сантиметрами. До этой минуты они обменива-

лись вопросами о поездах, маршрутах и выходах. Теперь у каждого появился знак, который можно было оставить другому, если кто-то отстанет или свернёт не туда.

Лада сложила лист пополам, чтобы надписи оказались внутри, и вернула его Илье. Он вложил бумагу в карман куртки, не убирая далеко.

Они вышли на улицу. Впереди начинался маршрут, проведённый от вокзала к автовокзалу. Лада шла рядом с Ильёй и замечала: ему не нужно было знать, что произойдёт через час, чтобы сделать следующий шаг. Ей не нужно было знать, почему он выбрал именно этот путь, чтобы согласиться пройти с ним до ближайшего перекрёстка.

На листе в кармане остались две галочки и договорённость, которую они оба могли проверить в любой момент.

Если не понял — спроси. Не угадывай.

Два имени на бумаге

Первый перекрёсток встретил их зелёным светом, который загорелся без щелчка. Машины остановились перед зеброй. Их кузова чуть накренились, колёса замерли на белых полосах, но город не издал ни единого звука.

Илья достал из кармана сложенный лист. Имена на нём пережили дорогу, но край бумаги уже размок от сырости, и Лада придержала его пальцами, пока Илья сверял маршрут. Стрелка на плане вела прямо, к автовокзалу. До него оставалось несколько кварталов.

Они двинулись дальше.

Лада шагала рядом, следя не столько за дорогой, сколько за Ильей. Он не оборачивался каждые несколько секунд, чтобы проверить, идет ли она за ним, но и не ускорялся. На развилках он показывал направление открытой ладонью, оставляя ей время взглянуть на карту. В такой мелочи было больше уважения, чем в готовой уверенности, что он знает, как надо.

У бывшей газетной будки Илья остановился и указал на их бумагу. Лада достала из кармана маленький талончик с вокзальной справочной. Еще там, у стойки, она взяла его у автомата, пока Илья рассматривал схему переходов. На лицевой стороне стоял номер — двадцать четыре, а под ним мелко было напечатано: «Ожидайте вызова».

Вызова так и не было. Окошко справочной оставалось пустым.

Лада перевернула талончик. Оборот был чистым.

Илья посмотрел на ручку в её руке, потом на свободное место.

Она протянула ему талончик.

Он прижал его к плоской крышке газетной будки и написал вверху: «Илья». Буквы вышли прямыми, почти одинаковыми, как будто он прокладывал короткую дорогу от одной к другой. Потом он передал ручку Ладе.

Она вывела рядом своё имя. Почерк у неё был наклонный, быстрый. Последняя буква зацепила край талончика.

Два имени уже стояли на прежнем листе. Здесь они появились снова, но теперь это было не столько обозначение, сколько начало списка. Илья добавил под своим именем:

«Умею находить дорогу».

Он перечитал строку. Перо зависло над бумагой. Затем он написал ниже: «Не уверен, что хочу вернуться домой». На слове «домой» остановился, аккуратно зачеркнул его и над строкой поставил: «туда, откуда приехал».

Исправление было видно. Его можно было прочесть и нельзя было сделать вид, что его не было.

Лада не спросила, откуда он приехал. Она только немного сдвинула талончик, чтобы не задеть мокрым рукавом его запись.

На свободной части она написала:

«Работаю с голосами. Готовлю аудиокниги к записи».

На слове «голосами» ручка на миг задержалась, продавив бумагу глубже. Потом Лада перечитала свою фразу и добавила точку.

Она умела ставить голос, слышать, где человек проглатывает окончание, где торопится, где старается казаться спокойнее, чем есть. Но ничего из этого не следовало из короткой записи на талончике. Там была профессия, удобная и точная, как адрес на конверте. Она не писала о том, как экран её телефона вспыхивал именами близких и как часто она не нажимала на зелёный значок.

Телефон как раз проснулся у неё в кармане. Лада вытащила его. На экране появилось слово «Мама», под ним — кнопки вызова. Звука не было. Лада смотрела на экран, пока он не потускнел, затем нажала боковую кнопку и убрала телефон.

Илья заметил движение, но не наклонился посмотреть, не написал вопросительный знак и не предложил утешения, которого она не просила. Он поднял глаза на вывеску впереди. Лада была ему за это благодарна, хотя не знала, как сказать об этом.

Несколько минут они шли молча, если молчанием можно назвать отсутствие звука в городе, который не умел его возвращать. По тротуару двигались люди. За стеклом кафе женщина поднимала чашку, мужчина напротив листал газету. Листья на деревьях переворачивались светлой стороной.

Всё продолжало происходить, но ни одно событие не оставляло после себя звукового следа.

Талончик лежал у Лады в ладони. На нём оставалось достаточно места для длинной истории, но ни один из них не потянулся заполнять пустоту.

Они знали, как легко принять краткость за холодность. Как легко принять молчание за отказ, занятую руку за равнодушие, чужой взгляд в сторону за желание уйти. Каждое такое объяснение могло оказаться верным. Или ошибочным. Пока они ничего не спрашивали, между ними оставалось место для догадок, а догадки уже однажды чуть не увели их в разные стороны.

Илья повернул талончик к себе и провёл горизонтальную линию под их записями. Ниже написал:

«Не будем требовать биографий. Пустую строку можно оставить пустой».

Он протянул ручку Ладе.

Она перечитала слова. Кивнула и поставила рядом короткий знак согласия, похожий на маленькую галочку. Затем дописала: «Не всякое недосказанное нужно немедленно заполнять».

Илья прочёл. Его взгляд на секунду задержался на телефоне в её кармане, но он отвёл глаза прежде, чем Лада успела решить, что он хочет спросить.

Профессия и маршрут были сведениями, которые можно предъявить без риска. Они позволяли собеседнику составить

первое представление и не открывали тех дверей, за которыми начинались вина, страх или одиночество. Это не делало их неправдой. Просто правда помещалась не только в рассказе о себе. Иногда она была в зачёркнутом слове, в экране, который гаснет в руке, в строке, оставленной без продолжения.

Илья написал внизу талончика:

«Что тебе нужно сейчас, чтобы продолжить путь?»

Он не добавил ни «почему», ни «откуда», ни «что случилось». Один вопрос, без требования немедленно объяснить, как человек к нему пришёл.

Ручку он передал Ладе.

Она перечитала вопрос. Потом повернула талончик так, чтобы Илье было видно написанное, и ответила:

«Не оставляй меня одну в незнакомых переулках, пока мы не доберёмся до автовокзала».

У неё дрогнула кисть на последнем слове. Лада не стала закрывать написанное ладонью. Просьба выглядела проще, чем всё, что ей пришлось бы рассказывать, если бы она захотела объяснить её до конца. Она не была признанием в слабости. Это была инструкция, как быть рядом с ней именно сейчас.

Илья прочёл и кивнул. Затем написал под её просьбой:

«Хорошо».

Ни «если ты тоже», ни «тогда скажи мне сначала», ни «но здесь нечего бояться». Просто «хорошо».

Он вернул ручку Ладе и, дождавшись, пока она взглянет на него, добавил:

«Если я молчу или не отвечаю сразу, не решай за меня, что я чувствую».

Лада прочла фразу дважды. Она вспомнила, сколько раз уже пыталась понять Илью по выражению лица или по тому, как он выбирал маршрут. Решала за него, что ему легче идти впереди, что он не устал, что ему всё равно. Даже её благодарность за то, что он не спросил о звонке, могла превратиться в догадку, если бы она приняла его жест за готовность читать мысли.

Она подписала под его строкой:

«Хорошо».

Потом не добавила ни объяснения, ни обещания никогда не ошибаться. В этом не было нужды. Если она не поймет, у неё останется возможность спросить. Если не поймёт он — тоже.

Илья сложил талончик вдвое, не пряча исписанную сторону внутрь. Лада взяла его и положила в нагрудный карман куртки. С этого момента бумага была не только отметкой о том, что кто-то не дождался вызова. На ней появились слова, которые можно было достать, перечитать и проверить. У каждого была просьба. У каждого — право не объяснять её до последней причины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.